

Дело с застёжками — эпизод 3 из 5

Баня рассыпалась, окружаясь обломками и утопая в тучах пыли, от которой листья ближайших деревьев уже посерели. Июльское солнце не щадило наших спин и плеч, распаривая их...

А книга-то в серебре, снова заговорил Мишка.

Семка поднял голову и пристально посмотрел в сторону беседки.

Похоже, кратко изрек он.

Значит, евангилье...

Ну, и евангилье... Так что?

Ничего...

Этого добра у меня полны карманы. А ты бы, коли священное писание любишь, пошел бы да и сказал ей: почитайте, мол, мне, бабушка. Нам, мол, этого взять неоткуда... В церкви мы, по неприличности и грязноте нашей, не ходим... а душа, мол, у нас тоже... как следует... на своем месте... Подь-ка, ступай!

А и впрямь... пойду?

И пойдешь...

Мишка бросил стяг, одернул рубаху, размазал ее рукавом пыль по роже и прыгнул с бани вниз.

Турнет она тебя, лешмана... проворчал Семка, скептически улыбаясь, но с крайним любопытством провожая фигуру товарища, пробиравшегося среди лопухов к беседке. Он, высокий, согнувшийся, с обнаженными грязными руками, грузно раскачиваясь на ходу и задевая за кусты, тяжело двигался вперед и улыбался смущенно и кротко. Старушка подняла голову навстречу подходившему босяку и спокойно мерила его глазами.

На стеклах ее очков и на их серебряной оправе играли лучи солнца.

Она не турнула его, вопреки предположению Семки. Нам не слышно было за шумом листвы, о чем говорил Мишка с хозяйкой; но вот мы видим, что он грузно опускается на землю к ногам старухи, и так, что его нос почти касается раскрытой книги. Его лицо степенно и спокойно; он мы видим дует в свою бороду, стараясь согнать с нее пыль, возится и наконец усаживается в неуклюжей позе, вытянув шею вперед и выжидающе рассматривая сухие маленькие руки старушки, методично перевортывающие листы книги.

Ишь ты... лохматый пес!.. Отдых себе сделал... Айда и мы? Чего так-то? Он там будет проклаждаться, а мы ломим за него. Айда?

Через две-три минуты мы с Семкой тоже сидели на земле по бокам нашего товарища. Старушка ни слова не сказала встречу нам, она только посмотрела

на нас пристально и снова начала перекидывать листы книги, ища в ней чего-то... Мы сидели в пышном зеленом кольце свежей пахучей листвы, над нами было раскинуто ласковое и мягкое безоблачное небо. Иногда пролетал ветерок, листья начинали шелестеть тем таинственным звуком, который всегда так смягчает душу, родит в ней тихое, умиротворяющее чувство и заставляет задумываться о чем-то неясном, но близком человеку, очищая его от внутренней грязи или по меньшей мере заставляя временно забывать о ней и дышать легко и ново...

Павел, раб Иисуса Христа... раздался голос старушки. Он старчески дребезжал и прерывался, но был полон благочестия и суровой важности. При первых звуках его Мишка истово перекрестился, Семка заерзал по земле, выискивая более удобную позу. Старушка окинула его глазами, не переставая читать.

Я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, то есть утешаться с вами верою общюю, вашею и моею. Семка, как истинный язычник, громко зевнул, его товарищ укоризненно вскинул на него синими глазами и низко опустил свою лохматую голову, всю в пыли...

Старушка, не переставая читать, тоже строго взглянула на Семку, и это его смутило. Он повел носом, скосил глаза и должно быть, желая изгладить впечатление своего зевка глубоко и благочестиво вздохнул.

Несколько минут прошли спокойно. Вразумительное и монотонное чтение действовало успокоительно.

Ибо открывается гнев божий с неба на всякое нечестие и...

Что тебе нужно? вдруг крикнула чтица на Семку.

А... а ничего! Вы извольте читать, я слушаю! смиренно объяснил он.

Зачем ты трогаешь застежки своей грязной ручищей? сердилась старушка.

Любопытно... потому работа очень уж тонкая. А я это понимаю слесарное дело мне известно... Вот я и пощупал.

Слушай! сухо приказала старушка. Скажи мне о чем я тебе читала?

Это извольте. Я ведь понимаю...

Ну, говори...

Проповедь... стало быть, поучение насчет веры, а также и нечестия... Очень просто и... все верно! Так за душу и щиплет!

Старушка печально потрясла головой и оглядела всех нас с укором.

Погибшие... Камни вы... Ступайте работать!

Она тово... рассердилась будто бы? виновато улыбаясь, заявил Мишка.

А Семка почесался, зевнул и, посмотрев вслед хозяйке, не оборачиваясь удалявшейся по узкой дорожке сада, задумчиво произнес:

А застежки-то у книжицы серебряные...

И он улыбнулся во всю рожу, как бы предвкушая что-то.

Переночевав в саду около развалин бани, уже совершенно разрушенной нами за день, к полудню другого дня мы вычистили колодец, вымочились в воде, выпачкались в грязи и в ожидании расчета сидели на дворе у крыльца, разговаривая друг с другом и рисуя себе сытный обед и ужин в близком будущем; заглядывать же в более отдаленное никто из нас не имел охоты... Ну, какого черта старая ведьма не идет еще, нетерпеливо, но вполголоса возмущался Семка. Подохла, что ли?

Эк он ругается! укоризненно покачал головой Мишка. И чего, например, ругается? Старушка настоящая божья. А он ее ругает. Этаким характер у человека...

Рассудил... усмехнулся его товарищ. Пугало... огородное...

Приятная беседа друзей была прервана появлением хозяйки. Она подошла к нам и, протягивая руку с деньгами, презрительно сказала:

Получите и... убирайтесь. Хотела я вам отдать баню распилить на дрова, да вы не стоите этого.

Не удостоенные чести распилить баню, в чем, впрочем, мы в не нуждались теперь, мы молча взяли деньги и пошли.

Ах ты, старая кикимора! начал Семка, чуть только мы вышли за ворота.

Накося! Не стоим! Жаба дохлая! Ну-ка, вот скрипи теперь над своей книгой...

Сунув руку в карман, он выдернул из него две блестящие металлические штучки и, торжествуя, показал их нам.